

УДК 159.9:34

Т.В. Казак, доктор психологических наук, член-корреспондент Международной академии психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, начальник социально-педагогической и психологической службы университета (e-mail: kazak-tamara@yandex.ru);

Т.Н. Шершень, соискатель кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Рассматривается культура как универсальная характеристика деятельности, выражающаяся в ее результативном и процессуальном аспекте, в частности психологическая культура правоохранительных органов. Подчеркивается именно социокультурный контекст, определяющий эволюцию профессиональных взглядов специалиста.

Ключевые слова: психологическая культура, практический психолог, психологическая служба, правоохранительные органы.

Правоохранительные органы имеют свою уникальную культуру, в рамках которой есть несколько субкультур с собственными паттернами процесса деятельности. Поскольку функциональные уровни органов внутренних дел естественно дифференцированы, каждый из них порождает собственные паттерны эффективных стилей деятельности. В этой связи понятие психологической культуры в контексте правоохранительной деятельности – многомерный феномен, который можно по-разному трактовать с позиций известных научных школ и подходов. Возникает вопрос и о целесообразности обращения к культуре в силу ее континуальности, противоречивости объяснительных схем и моделей психических явлений, которые в нее включены. По всей видимости, также невозможно вести речь о развитии психологической культуры в органах внутренних дел вне рамок историогенеза современной психологической науки. Каждый новый этап или подход в построении и объяснении истории психологии предлагает свою логику, ключевые моменты, вариативные модели человека, ведущие принципы и описания механизмов исторического процесса. Все это свидетельствует о динамичности феномена культуры и усложняет задачу исследования.

Тем не менее, сложность феномена культуры не может служить причиной отказа от использования ее неотъемлемых атрибутов.

Во-первых, именно культура обуславливает упорядоченность и определенность социокультурной реальности. Без такого рода упорядочивания и неизбежного при этом огрубления реальности невозможно объяснить закономерности функционирования правоохранительных институтов.

Во-вторых, деятельность основных субъектов и учреждений правоохранительной системы носит социокультурно-интердетерминированный характер, так как именно культура предоставляет необходимые ресурсы и средства (категориально-понятийный аппарат, культурные метафоры, социальные нормы, ценности и поведенческие алгоритмы или активности) для ее нормального функционирования. Следовательно изменения в социокультурном контексте приводят к изменениям в научно-содержательном и организационно-правовом сопровождении сотрудников правоохранительных органов.

В-третьих, психология как наука отличается от других наук именно тем, что она взаимосвязана с культурой в той мере, в которой она воспринята человеком в качестве феномена культуры. По словам М.К. Мамардашвили, «...есть различие между самим научным знанием и той размерностью (всегда конкретной, человеческой и, теперь замечу, культурной), в какой мы владеем содержанием этого знания и своими собственными познавательными источниками. Вот это последнее, очевидно, и называется культурой, взятой в данном случае в отношении к науке» [1].

Очевидно, что культура не может быть сведена к схемам и теориям, в том числе и психологическим. Она, напротив, питает и поддерживает многообразие психологического знания, а не вытекает из него, она развивает как психологию, так и творящих ее психологов. Иначе говоря, культура является важнейшим фактором социальной ситуации развития психолога как специалиста. Становясь явлением культуры, психологическое знание начинает определять представления человека о себе, своем внутреннем мире, мотивах, поступках. В этом смысле психологическое знание оказывает развивающее влияние на культуру.

В-четвертых, культура деятельности правоохранительной организации строится на нормативно-законодательной базе государства и обеспечивает выполнение миссии этой организации, ее результативность как относительно государства, так и общества, поэтому любой норматив, критерий оценки развитости способов деятельности определяется с учетом ожиданий государства и общества. При этом уровень сформированности деятельности раскрывается исходя из системного понимания культуры, т. е. как синтеза организационной, управленческой, корпоративной, информационно-коммуникативной и других видов культуры правоохранительных органов. В этом смысле именно культурный контекст обеспечивает проверку возможностей и пределы психологических технологий и концепций, используемых психологической службой. Термин «становление» здесь также более уместен, ибо подразумевает некоторое соотношение развития, формирования и «самodelания» субъекта продуктивной деятельности (труда) сообразно культуре [2]. На вопрос «о какой культуре идет речь?» можно ответить, что нас интересует прежде всего становление «человека как субъекта все более совершенной деятельности» в связи с понятием «культура», культурными регуляторами развития профессионала. И поскольку профессионализм как система не возникает одновременно, а складывается постепенно, то можно говорить не только о совершенстве деятельности и ее субъекта, но и о большей или меньшей выраженности составляющих рассматриваемой системы, их соответствии некоторому образцу, максимальной приближенности к идеалам «народной и профессиональной» культуры [2].

В-пятых, именно в рамках феномена культуры можно ставить вопрос о создании единого психолого-правового пространства деятельности правоохранительных органов, так как именно культура ориентирована на проблемы человека и предполагает межкультурный диалог, создание единой методологической базы за счет использования знания, общего научного опыта, содержащегося в культуре, и преодоления тенденции к изолированности отдельных компонентов психологического пространства суверенных государств.

Любое стремление к национальной обособленности правоохранительных органов в условиях глобализации международных преступных группировок, усиления кооперативных связей между ними неизбежно приведет к резкому снижению эффективности борьбы с международной преступностью. Эта истина сегодня становится для всех очевидной. Так, в своем докладе на международном конгрессе криминологов в Барселоне профессор института права в Вашингтоне Emilio C. Viano подчеркнул, что «ситуация становится угрожающей из-за скорости, с которой происходит технический прогресс и внедрение новых технологий. Новые перспективы в изучении терроризма и его связей с международной преступностью возможны, если мы обратимся к новым областям в науке, далеким от тех, на которые полагались раньше...» [3].

Сегодня приходится признать, что связи культуры с психологией как наукой и практикой, значение этой связи в борьбе с преступностью исследованы мало, поэтому в нашем случае одни компоненты культуры остаются неотрефлексированными и не рассматриваются в связи с их избыточностью, другие имеют статус потенциально перспективных видов и форм «потребностного будущего». Для многих ученых в этом смысле методологическим ориентиром является культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, обладающая и сегодня большим творческим потенциалом.

Таким образом, культура деятельности психологической службы правоохранительных органов – это своего рода синтез совместной исторической памяти и опыта, которые актуализируются в контексте современной эпохи и определяются конкретными факторами: уровнем и характером преступности, международной кооперации в сфере борьбы с преступностью, развитости психологической науки и психопрактики, развития сотрудников и запросами общества. Ее содержание составляют процессы творческого освоения и создания эффективных техно-

логий деятельности, а также результаты профессионально-творческой самореализации сотрудников в интересах удовлетворения потребностей граждан в личной и общественной безопасности.

Согласно субъектно-формирующей концепции Ю.А. Шаранова правоохранительная деятельность осуществляется в трех формах: функционирования, развивающего функционирования и развития [4]. При этом принципиально не рассматривается четвертая форма, когда деятельность начинает разрушаться. По всей видимости, данная позиция исходит из недопущения ни при каких обстоятельствах снижения эффективности поддержания правопорядка и законности в обществе. Именно такая логика положена в основу понимания природы становления и развития культуры деятельности психологической службы в обществе. Остановимся подробнее на компонентах структурно-функциональных видов культуры деятельности психологической службы, которые соответствуют основным задачам психологической службы органов внутренних дел.

Структура, содержание и показатели основных направлений деятельности практических психологов правоохранительных органов

Показатели деятельности	Направления деятельности		
	Научно-исследовательская	Прикладная	Преобразующая (инновационная)
Цель	Получение нового знания, создание средств для осуществления практической деятельности	Оказание психологической помощи и поддержки	Развитие личности и деятельности
Продукт	1. Теоретические и эмпирические модели. 2. Инструменты деятельности психолога	1. Состояния готовности к деятельности. 2. Апробация средств и технологий практической деятельности	Личность и деятельность с заданными свойствами
Содержание	Научное исследование (экспериментальное, творческое)	Технологическая деятельность (по заданному алгоритму и творческая)	Практическая деятельность, поддающаяся технологизации, сводящаяся к адекватному использованию знаний и средств
Адресат	До востребования	Для практикующего специалиста	Для конкретного потребителя (или клиента)
Субъект	Исследователь, ученый	Психотехнолог	Психосоциоконструктор (квалифицированный пользователь)
Требования к квалификации субъекта	Очень высокие	Высокие	Высокие

Из таблицы видно, что на первом месте стоит научно-исследовательская деятельность, которая сегодня является неотъемлемой частью работы практических психологов. Например, научно-методическая деятельность психологической службы заключается в проведении актуальных прикладных исследований – социометрических, социально-психологических, индивидуально-диагностических, в том числе по запросу и выработке рекомендаций. Практический психолог в своей профессиональной деятельности все чаще прибегает к логике и языку научного исследования: в ситуации обнаружения и выделения реальной проблемы, понимания и формулирования практической задачи, измерения и сбора данных, выбора теоретической модели интерпретации полученных результатов и построения психологического заключения [5, 6].

Нельзя сбрасывать со счетов и стремительный рост объема научного знания, технологизацию средств его производства, что привело к резкому увеличению дробности картины мира и соответственно дроблению профессиональных областей на множество специальностей.

Но главное не в этом. Главное в том, что за последние десятилетия роль науки (в широком смысле) существенно изменилась по отношению к общественной практике (также понимаемой в широком смысле). Постепенно, начиная с этого момента, наука стала все больше «переключаться» на технологическое совершенствование практики. Понятие «научно-техническая революция» сменилось понятием «технологическая революция», вслед за ним появилось понятие «технологическая эпоха» и т. п. Основное внимание ученых переключилось на развитие технологий, а наука – больше на непосредственное обслуживание практики. Если раньше в ходу были теории и законы, то теперь наука все реже достигает этого уровня обобщения, концентрируя внимание на моделях, характеризующихся многозначностью возможных решений проблем. Кроме того, очевидно, что работающая модель полезнее отвлеченной теории.

Наука сегодня идет именно по этому пути – пути технологического совершенствования практики, причем данная тенденция характерна и для западной психологической науки. Однако некритическое отношение к использованию достижений западной научной психологии и практики без попыток их культурной адаптации приводит к определенным проблемам. Так, иногда фолианты учебной литературы западных авторов воспринимаются в качестве энциклопедий [7–9]. Бесперспективность такого способа проявляется в многообразии форм, но чаще всего предстает как своеобразная «альтернатива двух насилий» – либо над теорией, либо над практикой. Все это дает резко отрицательный эффект, когда такого рода «теоретические усилия» психологов не работают, а даваемые ими рекомендации либо не понимаются практическими работниками, либо бесполезны, либо вредны, в том числе и для самих психологов. В любом случае итог отрицательный – дискредитация самой теории, подкрепленная дополнительным эффектом – компрометацией профессии психолога.

Выход из такого положения только один: в прикладных областях науки исследования проводить самим практикующим специалистам. И хотя исследования посвящаются чаще всего разработке оптимальных ситуативных моделей, технологий организации и деятельности различных структур и процессов правоохранительной системы, т. е. актуальных непродолжительное время, такая наука необходима и такого рода исследования являются в полном смысле научными. В этом случае региональная наука получает шанс развиваться такими же темпами, как и в крупных центрах.

Следует подчеркнуть динамизм современной практики, что выражается в нестабильности, стремительной смене политических, экономических, общественных, правовых, технологических и других ситуаций. Все стало непрерывно и стремительно изменяться. Следовательно психопрактика должна постоянно перестраиваться под новые условия. Отсюда инновационность практики становится атрибутом времени, а практические работники вынуждены создавать инновационные модели социальных, психологических, технологических и образовательных систем. Именно поэтому практический психолог сегодня должен уметь быстро осваивать новую информацию, «конструировать миры личности», иметь широкий кругозор и все остальные качества профессионала, которые можно сформировать и проявить только в процессе включения в научно-исследовательскую деятельность.

Следует также отметить, что психология пока не стала повседневным и эффективным средством саморегуляции сотрудников в опасных для жизни, экстремальных условиях выполнения оперативно-служебных задач. Многие руководители по-прежнему мало представляют себе все возможности современной психологической науки.

Усложнение и возрастание объема практических задач, стоящих перед подразделениями органов внутренних дел, непосредственное включение практических психологов в процесс проведения оперативно-служебной деятельности определяют актуальность расширения задач четвертого блока. Имеется в виду направленность активности практических психологов совместно с идеологическими работниками на развитие индивидуальности, формирование психологической готовности каждого сотрудника к продуктивной деятельности. При этом основной задачей выступает создание психологических условий формирования ценностей – общей и специальной мотивации к труду, профессии, развитие способностей, инициативы, социально-психологической толерантности, честности и порядочности, чувства защищенности и социального комфорта.

С точки зрения перспективного направления развития специалисты психологической службы ориентируются на принципы и концепции психологического проектирования деятельности (Л.С. Выготский, Г.П. Щедровицкий, Б.Д. Эльконин и др.). Именно в контексте логики психологического проектирования деятельности возникают интересные объяснительные схемы. Так, в зависимости от совокупности тех или иных средств, способов мышления и деятельности выстраиваются разные базовые культурные практики, лежащие в основе функционирования психологической службы. Каковы эти практики? Это практика, связанная с созданием организации и управлением ею; практика, связанная с порождением феноменов индивидуального и коллективного сознания, коллективной психологией и поведением; практика, воссоздающая по принципу подражания образцы и нормы повседневной служебно-оперативной деятельности. Каждая практика есть оперирование с определенной базовой «культурной единицей» [6, 8–10]. Например, в случае с индивидуальным и коллективным сознанием в качестве единицы культуры выступает своеобразный образец – архетип. От идеи архетипа происходит переход к идее проекта – следующей единице культуры деятельности. Все это происходит только при сознательном проектировании и программировании культурного развития пространства деятельности субъекта. В этом случае субъект развития от практики образцов-архетипов переходит в мир проектов и программ развития, в результате рождается искусственно-проектная действительность, которая подчиняется иным принципам организации психологического сопровождения. После фиксации и научного осмысления результатов проектной деятельности наступает новый акт культурного развития организации или субъекта. В контексте данной логики становления и развития разных культурных практик можно вести речь о культурной норме, цикле культурного развития субъекта деятельности, где культура противостоит индивидуальному сознанию как требование, определяет выполнение норм, реализацию коллективных ценностей и рассматривается в качестве критерия профессионализма [10]. Становление профессиональной культуры обеспечивает структурные изменения в личности, ее сознании и деятельности, возникающие в процессе профессионализации, при этом, оставаясь относительно обособленными, и профессиональная личность, и профессиональное сознание, и профессиональная деятельность обладают специфическими свойствами, не сводимыми к свойствам профессиональной культуры, но создающими условия для возникновения связей и отношений, объединяющих их в целое. Незавершенность процесса «врастания» сотрудника в профессиональную культурную среду тормозит, а иногда ставит вопрос о формировании у него подлинной методологической культуры деятельности – научной, практической, прикладной. Естественно, что и психологическая служба как интегральное образование может быть представлена в единстве показателей развития научно-исследовательским, прикладным научно-методическим и практическим типами культурных практик. Именно такой образ процесса становления и развития культуры деятельности психологической службы правоохранительных органов возникает в контексте анализа концепции психологического проектирования деятельности.

Одновременно с этим применение культурно-деятельностного подхода к оценке достигнутого позволяет зафиксировать незавершенность разделения труда в работе практических психологов правоохранительных органов, что проявляется в несбалансированности указанных трех основных функций деятельности – в преимущественном развитии практической в ущерб развитию научно-исследовательской и прикладной научно-методической функции. Это важно подчеркнуть, так как «сбалансированное единство этих трех аспектов и составляет предмет эффективно работающей психологической службы» [5, 6]. Если один из этих трех аспектов не находит своего качественного выражения, то можно утверждать, что процесс становления и развития культуры деятельности психологической службы еще не завершен.

В рамках культурно-деятельностного подхода уместна постановка проблемы о культурно-этической парадигме деятельности психологической службы. Профессиональная этика практического психолога имеет в стране недолгую историю. Однако в последние годы на фоне усиливающейся экспансии современных психологических технологий очевиден дефицит этического кодифицирования профессиональной деятельности практических психологов. Существует реальная опасность ослабления, если не утраты, гуманистической составляющей практической психологии. В связи с этим в сфере психологической практики необходима профессиональная этическая

рефлексия, направленная как на рационализацию нравственных коллизий в данной сфере, так и на кодифицирование профессиональной практической психологической деятельности.

Этические основания профессиональной деятельности практического психолога в наши дни требуют глубокой научной рефлексии, во-первых, в связи с радикальной сменой цивилизаций и локальных культур. Современная социальная действительность полна конфликтов. Противоречия между менталитетом населения и требованиями технического прогресса, секуляризация общественного сознания, экспансия коммерческой культуры с помощью средств массовой информации, конфликт между Западом и исламскими странами, маргинализация огромных масс людей, оторванных от своей культурной почвы, – вот далеко не полный перечень проблем, имеющих прямое отношение к сфере культуры [10]. Сегодня глобальным изменениям подвергаются прежде всего духовные, этические ценности.

Во-вторых, вырабатывается профессиональная мораль нового типа, которая отражает идеологию рыночных отношений. На первое место в этических воззрениях и поведении работников часто выступают прагматичность, потребительские и корыстные мотивы, коммуникативность постепенно вытесняет этическую нормативность поведения, поэтому не всегда поступки работников укладываются в привычные рамки открыто принимаемой социальной нормы.

Личность и поведение практического психолога начинает также осмысляться с точки зрения национального типа, национальной ментальности, особенностей этического идеала работника, жизнь которого испытывает на себе влияние людей иной национальной принадлежности, других культур наряду с влиянием, оказываемым на него родной культурой. Расширяется арсенал не только средств и способов этико-профессионального поведения, но и качественно усложняется система его оценочных средств. Профессиональная этика практического психолога становится все более психологизированной, индивидуализированной, комплексной и многоаспектной. В ней находит место и стереотипность представлений о доминирующих поведенческих реакциях и внешности практического психолога.

В-третьих, практическая психология как профессиональная деятельность сегодня стала массовой. Следовательно возрастает влияние практических психологов на отдельного человека и на общество в целом. Это обостряет социальную проблему обоснованности и ответственности воздействия одного человека на другого и во многом определяет своеобразие современного человекознания.

Содержание самой профессиональной деятельности практического психолога, судя по динамике признаков профессии, постоянно изменяется и преобразуется. Единое пространство профессиональной этики практических психологов уже раздроблено на этику консультантов, диагностов, психоаналитиков, психологов-терапевтов и др. Отсюда вполне возможна ситуация, когда центробежные тенденции в этой сфере настолько усилятся, что практические психологи перестанут не только концептуально понимать друг друга, но и станут расходиться нравственно. Утрата ощущения регулирующей функции этики может поставить под сомнение единство профессионального сообщества психологов.

Подлинный профессионализм опирается на общеморальные и общекультурные нормы профессиональной деятельности: долг, честность, требовательность к себе и своим коллегам, ответственность за результаты своего труда. Это своеобразная нравственная психология, нравственная культура жизнедеятельности практического психолога. Однако пока еще не совсем очевидно место, которое практические психологи занимают в сегодняшней культуре. Более того, этика практического психолога рассматривается с узкой, процедурной точки зрения как основной регулятор его профессионального общения с клиентом. В научно-методической, диагностической, консультационной, профориентационной, педагогической и других видах деятельности этическая сторона только намечается, целостная концепция профессиональной этики практического психолога отсутствует.

Только начинается процесс осмысления места психологии и практических психологов в интернет-пространстве. Без практической психологии невозможна адаптация традиционной системы моральных суждений к условиям анонимного применения интернета.

Сегодня становится очевидным, что появляются социокультурные основания новой культурно-этической парадигмы. Ее составляют множество формальных и неформальных норм, заданных социальной системой, к которой причастен индивид. В то же время индивид нередко

следует своим этическим принципам в соответствии с жизненным опытом и личностными особенностями. Наблюдается манифестация именно личностных особенностей человека. Такие разрывы между сознанием и культурой человека приводят к блокированию в первую очередь уважения к достоинству других. Подобное состояние нельзя даже назвать результатом профессиональной деформации, это совсем другое качество сознания: в нем нет самой возможности прогресса или регресса, ход времени здесь теряет смысл.

Естественно, что новая культурно-этическая парадигма должна снимать антагонизм культуры и индивидуального сознания, устранять условия, при которых «средний» индивид ориентируется на социальный идеал, представленный ему сформировавшей его культурой, и при этом не в состоянии оценить, насколько его идеал соответствует высшей истине. Именно по этой причине он вынужден полагаться на крепость традиций и авторитет «специалистов», часто выбранных среди своих же коллег. Нужда в этих «специалистах» диктуется тем, что обыденное сознание не чувствует себя способным к самостоятельному познанию высшей реальности, оно вынуждено делегировать свое право духовного поиска тем, кто согласен взять на себя бремя этой ответственности.

Представляется, что система профессионального образования в ближайшем будущем вряд ли подготовит практических психологов новой генерации. Однако уже сейчас практические психологи могут оказывать воздействие на отдельные сегменты самой культуры как живой системы, в частности на коллективное подсознание, для предотвращения спонтанной и разрушительной манифестации содержащихся в нем вытесненных архетипов. Нужна новая творческая профессиональная среда, развивающая интуитивную культуру и субъектные качества практического психолога. Обращение к этической теории расширяет предмет психологии, позволяет несколько иначе выстроить собственное представление о сущности человека.

1. Мамардашвили, М.К. Экзистенциальная и гуманистическая психология [Электронный ресурс] / М.К. Мамардашвили. – Режим доступа: <http://www.phsy.ru/authors/>. – Дата доступа: 19.02.15.

2. Красненкова, С.А. Стабилизация позитивных психических состояний личности как критерий эффективности гештальт-ориентированной арт-коррекции сотрудников ФСИН / С.А. Красненкова // Прикладная юрид. психология. – 2008. – № 1. – С. 151–154.

3. Solomon, L. Negativ life events, coping esponses and combat related psychopatology: A prospective Study / L. Solomon, M. Mirulincer, H. Flum // J. Abnormal Psychol. – 1988. – V. 97. – № 3.

4. Шаранов, Ю.А. Юридическая психология деятельности органов внутренних дел (теория и методология управления развитием) : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.06 / Ю.А. Шаранов ; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб., 2000. – 42 с.

5. Концепция развития психологической службы МВД России : избр. тр. / под ред. И.Б. Пономарева. – М., 2002.

6. Копылова, Г.К. Организация деятельности практических психологов ОВД / Г.К. Копылова // Проблемы, пути становления и дальнейшего развития психологической службы органов внутренних дел : материалы конф. практ. психологов ОВД : в 2 ч. – Домодедово, 1998. – Ч. 1. – С. 84–88.

7. Кораблина, Е.П. Психология подготовки к профессиональной деятельности психолога-консультанта : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03 / Е.П. Кораблина ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2006.

8. Петров, В.Е. Современные подходы и технологии организации психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел / В.Е. Петров // Современные стратегии и образовательные технологии в подготовке кадров для силовых структур : материалы 11-й Всерос. науч.-метод. конф. – Иркутск : ФСИН МВД России, 2006. – С. 316–324.

9. Петров, В.Е. Модель психологического сопровождения сотрудников ОВД / В.Е. Петров, И.Ф. Солдатов // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2005. – № 1 (23). – С. 103–104.

10. Петухов, Е.В. Психологические особенности деятельности разных правоохранительных органов / Е.В. Петухов, А.М. Столяренко // Энцикл. юрид. психологии. – М. : Юнити-Дана : Закон и право. – 2003. – С. 404–405.

Дата поступления в редакцию: 19.03.15

T.V. Kazak, Doctor of Psychological Sciences, Corresponding Member of the International Academy of Psychological Sciences, Professor at the Department of Engineering Psychology and Ergonomics of the Belorussian State University of Information Science and Technique and Radio Electronics, Head of Social Pedagogical and Psychologi-

cal Service of the University; **T.N. Shershen**, Applicant at the Department of Engineering Psychology and Ergonomics of the Belarusian State University of Information Science and Technique and Radio Electronics

DEVELOPMENT OF PSYCHOLOGICAL CULTURE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

The article describes culture as universal characteristic of activity which is expressed in its effective and procedural aspect in particular, psychological culture of the law enforcement agencies. The authors of the article put emphasis on sociocultural context which determines evolution of professional views of an expert.

Keywords: psychological culture, practical psychologist, psychological service, law enforcement agencies.

УДК 340.1

А.А. Козел, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: shura-k82@ya.ru)

**РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Рассматривается зарождение и развитие социологического подхода к праву во второй половине XIX – начале XX в. в России. Анализируются взгляды социологов и правоведов. Обосновывается значение социологического правопонимания для гуманизации общественных отношений с помощью права в современных условиях.

Ключевые слова: социальная обусловленность права, социальная юриспруденция, генетическая социология, социальная инженерия, солидарность, справедливость, право жизни, правовой порядок.

Российская дореволюционная юриспруденция развивалась в русле основных школ и направлений, сложившихся к тому времени в правоведении, среди которых можно выделить естественно-правовой, нормативистско-позитивистский, психологический и социологический концепты права. Особое место в юридической теории и практике дореволюционной России занимало социологическое направление, что было обусловлено рядом причин собственно юридического и самого широкого социально-политического характера. К юридическим причинам в первую очередь относится судебная реформа 1864 г., вызвавшая в России повышенный научный и практический интерес к правоведению. Русские правоведы и социологи (П.Г. Виноградов, Ю.С. Гамбаров, М.М. Ковалевский, Б.А. Кистяковский, Н.М. Коркунов, С.А. Муромцев, Е.В. де Роберти, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев и др.) социологический подход к праву реализовали в рамках социологической юриспруденции. Именно она акцентировала внимание на изучении причин преступности, личности преступника и на социологических аспектах уголовного права; связывала правовые отношения с нормами и принципами российского права; исследовала соотношение правосознания и нравственности в жизни России на рубеже XIX и XX вв. Нарастание в России социально-политических противоречий детерминировало революционное движение, и научная юридическая общественность небезосновательно полагала, что избежать революции можно в том числе с помощью реализации социально-проектного потенциала права, что явилось еще одной социально-политической причиной развития в России социологической юриспруденции.

По утверждению Б.А. Кистяковского, «русский научный мир может гордиться тем, что именно в русской научной юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление» [1, с. 201]. Социально-научную теорию права, по мнению ученого, в 70-х гг. XIX в. разработал С.А. Муромцев («Очерки общей теории гражданского права», «Определение и основное разделение права»), который исходил, как и Р. Иеринг, из идеи, что основу права составляют интересы индивидов, социальных групп и союзов. На базе этих интересов в обществе возникают отношения, регулируемые с помощью различных санкций: юридических, моральных, религиозных, где каждое может быть предметом регламентации нескольких санкций одновременно или существовать вне каких-либо санкций. Данное обстоятельство касается отношений, соблюдаемых людьми по привычке, так как они (отношения) обладают особой прочностью и не нуждаются в юридической защите. Даже если отношение сопровождается юридической защитой, но осуществляется без особого ее влияния, то, по